

UDC 115.4

DOI: 10.21146/1606-6251-2019-3/4-187-199

П.С. КУСЛИЙ

ЯЗЫК И ВРЕМЯ: ТЕМПОРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Аннотация: Данная статья вводит читателя в проблематику современной формальной философии языка на примере рассмотрения одного из центральных направлений этого вида философии – семантического анализа категории именных групп, состоящей из единичных терминов и кванторных выражений. В доступной для широкого круга читателей форме представлена экспозиция базовых теоретических установок современной аналитической философии языка по отношению к интерпретации этих видов терминов. В качестве основной такой установки представлено сведение смысла предложения к условиям его истинности. Исследован ряд ключевых философских проблем, с которыми сталкивается аналитическая философия языка при попытке применить свой аналитический метод к предложениям естественного языка. В частности, речь идет о различии в интерпретации кванторных и референциальных выражений, особенностях интерпретации личных местоимений, семантики сообщений о верованиях (так называемых интенциональных контекстов). Далее показано, что основной спектр аналитических методик, применяемых к анализу именных групп, оказывается применимым и к типу языковых выражений, в корне отличающихся от именных групп – к временным морфемам. Исследована предлагаемая в современной аналитической философии языка перспектива, предполагающая унифицированное понимание нашей референции к индивидуальным объектам и отрезкам

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kusliy@iph.ras.ru.

времени. Таким образом, показано, что концептуализация времени и индивидуальных объектов в языке осуществляется сходным образом.

Ключевые слова: философия языка, семантика, эпистемология, кванторы, местоимения, время, интенциональные контексты.

1. Б. Рассел и семантика определенных дескрипций. Со времен работ Г. Фреге [7] в аналитической философии языка принято выделять два аспекта содержания любого языкового выражения: его экстенционал (т.е. денотат или предметное значение) и его интенционал (т.е. смысл). Наиболее простой иллюстрацией этой установки является выражение «Вечерняя звезда», экстенционалом которого является планета Венера, а интенционалом, собственно, тот смысл, который непосредственно описывается в этом выражении: небесное тело появляющееся (первым) в соответствующее время суток. Применительно к предложениям, в роли экстенционала, согласно Фреге, экстенционалом выступало истинностной значение, т.е. истина или ложь, которые Фреге рассматривал как простые предметы: предложения, обозначающие истину, были истинными, а предложения, обозначающие ложь, были ложными. Интенционалом предложения Фреге считал мысль, как идеальную (платоновскую) сущность.

Вопрос о том, какие именно предложения имели экстенционал «истина» и что вообще значит быть истинным предложением, равно как и то, что значит быть мыслью или смыслом предложения, исследовалось впоследствии другими классиками аналитической философии, в частности Л. Витгенштейном в его «Логико-философском трактате» [1] и А. Тарским [6]. Согласно Витгенштейну и Тарскому, задать смысл предложения, значит указать, какая ситуация должна иметь место, чтобы предложение считалось истинным. Разумеется, для любого предложения можно привести условия его истинности, независимо от того, выполняются ли они на самом деле или нет, т.е. безотносительно того, является ли предложение на самом деле истинным.

Исходя из схожей теоретической установки на содержание предложений, Б. Рассел в своей статье «Об обозначении» [4] указывает логические и когнитивные затруднения, возникающие при

анализе таких предложений как (1) «Современный король Франции лыс» и (2) «Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором *Уэверли*». Мы здесь коротко рассмотрим некоторые из этих затруднений и то, какое влияние на развитие аналитической философии оказал их разбор Расселом.

Проблема предложения (1) заключается в том, что поскольку в современной Франции нет короля, то не вполне понятно, каково истинностное значения предложения в целом. Истинным оно, как кажется, не может быть. Но если оно ложно, то тогда истинным должно быть его отрицание, т.е. предложение (3) «Современный король Франции не лыс». Но это предложение также не кажется истинным, с точки зрения наших языковых интуиций. Однако предложения (1) и (3) контрадикторны, т.е. одно должно быть ложным, то другое истинным. Таким образом, мы приходим к парадоксу: ни одно из двух контрадикторных предложений не может быть истинным.

Суть данной проблемы, как известно, в том, что термин «современный король Франции» является пустым, т.е. не обозначает никакого объекта. Именно в силу этой пустоты, ни предложение (1), ни его отрицание в (3) не являются истинными. Данной проблемы бы не возникло, если бы на месте подлежащего в (1) стоял бы непустой единичный термин, такой как, например, имя собственное «Дональд Трамп». Тогда предложение (1) выглядело бы как (4) «Дональд Трамп лыс» и было бы ложным, а его отрицание истинным.

Рассел решает проблему предложения (1) следующим образом: он предлагает, что его внешняя форма обманчива. И имена собственные типа «Дональд Трамп», и выражения типа «современный король Франции» (которые он называл «определенными дескрипциями») относятся к грамматической категории именных групп. Однако определенные дескрипции отличаются от имен собственных тем, что не являются обозначающими, т.е. в принципе не могут ничего обозначать. Они являются *кванторными* и не обладают собственным денотатом. Когда они употребляются в том или ином предложении, речь не идет просто о наличии того или иного свойства у конкретного объекта. Предложения с такими терминами

следует понимать как утверждения о существовании индивида с некоторыми свойствами. Так, предложение (1), согласно Расселу, на самом деле, следует понимать как утверждение (5) «Существует некоторый индивид x , который является современным королем Франции и является лысым». По Расселу, *логическая форма* предложения (1) выражается именно в (5). Разумеется, при таком подходе мы можем признать, что (1) является ложным, ибо содержащееся в нем утверждение о существовании индивида, являющегося современным королем Франции, не соответствует действительности.

Таким образом, Рассел проводит различие между именами собственными типа «Дональд Трамп» и кванторными выражениями, к коим, с его точки зрения, относится выражение «современный король Франции». Первые обозначают индивидуальные объекты (и поэтому называются «референциальными»), вторые нет. По Расселу, понимание различия между референциальными и кванторными выражениями лежит в основе преодоления логических затруднений, связанных с интерпретацией предложений типа (1); (см. прим. 1). То обстоятельство, что в естественном языке эти два типа выражений со столь разными логико-семантическими характеристиками относятся к одной грамматической категории именных групп, является, по Расселу, серьезным недостатком естественного языка.

Проблема с предложением (2) «Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором *Уэверли*» заключается в том, что термины «Вальтер Скотт» и «автор *Уэверли*» обозначают одного и того же индивида и, как можно было бы ожидать, могут подставляться вместо друг друга без изменения истинности предложения. Между тем такая подстановка в (2) приведет к его превращению в предложение (6) «Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом», т.е. в сообщение о желании Георга IV знать нечто являющееся тавтологией. Если предложение (2) вполне могло быть истинным, то (6) таковым быть уже не могло (ибо никто не ожидает, что Георг IV действительно интересовалась тавтологией).

Данная проблема вызвана природой утверждений о психических установках (выражаемых глагольными группами «хотел знать», «думал», «предполагал» и т.п.) (см. прим. 2). и исследовалась в ра-

ботах Фреге. Решение, которое предлагает Рассел, также сводится к пониманию определенной дескрипции как скрытого утверждения о существовании. Логическая форма предложения (2), согласно Расселу, может быть представлена как (7) «Георг IV хотел знать существует ли индивид x , являющийся автором *Узверли* и тождественный Вальтеру Скотту». При таком представлении нетривиальность исходного предложения (2) и его отличие от неправдоподобного (6) оказывается вполне очевидной.

2. Имена собственные в сообщениях о психических установках.

Решения, предложенные Расселом, давали ответ на те проблемы, которые он ставил, хотя и не все исследователи с его ответами соглашались. Так, например, сегодня большинство исследователей следует предложению П. Стросона [5] и рассматривает определенные дескрипции всё же как референциальные выражения, несущие пресуппозицию существования уникального объекта, обладающего соответствующим свойством. Тем не менее расселовский анализ кванторных выражений («каждый гражданин», «некоторые участники», «большинство спортсменов» и т.д.) получил развитие в дальнейших исследованиях. Вопрос о кванторной или референциальной интерпретации естественно-языковых выражений стал одним из основных вопросов не только логической семантики, но и более широкого спектра философских вопросов (см., напр., [2], где Р. Карнап, как известно, критикует М. Хайдеггера, в том числе, за неспособность отличать референциальные выражения от кванторных). Более того, типы предложений, которые исследовал Рассел, содержали и другие проблемы, которые Рассел напрямую не ставил. Одна такая проблема была также связана с сообщениями о психических установках, но непосредственно касалась уже имен собственных. Эту проблему идентифицировал и подробно исследовал У. Куайн [3]. В последующей литературе она стала известна как «проблема двойного видения».

Суть проблемы заключается в следующем. Некто Ральф видит одного и того же человека в разных ситуациях, не осознавая, что это один и тот же индивид: в одном случае он видит как этот человек подозрительно ведет себя, передвигаясь в шляпе и тем-

ных очках, в другом случае он видит этого же человека на пляже, где тот не ведет себя подозрительно и одет в обычную (для пляжа) одежду. Ральф думает, что человек, которого он видел в первом случае – шпион, и что человек, которого он видел на пляже, не шпион. Ральф, разумеется, не считает, что бывают люди, одновременно являющиеся и не являющиеся шпионами. Он, как мы сказали, просто не осознает, что в этих двух случаях видел одного и того же индивида. Для него человек в шляпе – один индивид, а человек с пляжа – другой. Но если мы знаем, что Ральф на самом деле видел одного и того же индивида, а также, что имя этого индивида, допустим, Орткут, то, как показывает Куайн, возникает проблема, связанная с тем, должны ли мы считать истинным или ложным предложение (8) «Ральф считает, что Орткут – шпион». С одной стороны, кажется, что оно может быть истинным (ибо Ральф, думая об Орткуте, как о человеке в шляпе, думает о нем как о шпионе), но, с другой стороны, оно, кажется, может быть и ложным (ибо Ральф, думая об Орткуте как о человеке с пляжа, не считает его шпионом). Поскольку в предложении (8) эти тонкости не проясняются, вопрос о его истинном значении становится проблемой.

Главная особенность примера (8) в том, что обозначение индивида, которого видел Ральф в двух описанных ситуациях, именем «Орткут» осуществляется тем, кто произносит предложение (8), т.е. говорящим. Сам же Ральф даже не знает имени этого человека и, разумеется, с его точки зрения, имя «Орткут» не применимо ни к человеку в шляпе, ни к человеку на пляже. Получается, что в предложении (8), в описание той мысли (психической установки), которая приписывается Ральфу, как бы вторгается перспектива говорящего, и указание на человека, о котором утверждается, что он, с точки зрения Ральфа, является шпионом осуществляется именно с точки зрения говорящего, а не с точки зрения Ральфа, который (как мы показали) вполне может не разделять точку зрения говорящего.

3. Семантика личных местоимений. Общее различие между референциальными и кванторными именными группами, а также логико-семантические свойства тех или иных конкретных приме-

ров таких именных групп стали предметом немалого числа исследований в современной аналитической философии языка. Важным здесь для нас является то, что к числу референциальных выражений, обозначающих конкретные индивидуальные объекты, относились и личные местоимения. В таком предложении как (9) «Он бежит», местоимение «он», разумеется, может обозначать разных людей в зависимости от контекста употребления. Однако в каждом конкретном контексте; «он» обозначает конкретного индивида (мужского пола), т.е. подобно имени собственному функционирует как референциальное выражение.

При этом личные местоимения могут иметь и «нереференциальное употребление». В таком предложении как (9) «Каждый делегат заявил, что он готов проголосовать» местоимение «он» не обозначает никакого конкретного индивида. Его значение оказывается зависимым от подлежащего главного предложения «каждый делегат». Такая интерпретация местоимения «он» называется «связанной» (ибо оно уподобляется переменной в логике предикатов, которая связана квантором всеобщности).

Выработка способов корректно и систематически показывать, каким должно быть значение личного местоимения «он», чтобы в одних случаях оно было референциальным (и семантически независимым) выражением, а в другом связанном (и семантически зависимым) выражением, также является одной из важных тем современной аналитической философии языка.

4. Грамматическое время и темпоральная интерпретация предложений. Семантические проблемы, поставленные Фреге, Расселом, Витгенштейном, Тарским, Карнапом, Куайном и другими классиками аналитической философии, оказались тесно связанными с вопросами онтологии, эпистемологии, логики и теории коммуникации. Попытки дать ответы на эти проблемы, развить дальше предложенные классиками концепции или критически их переосмыслить влекли за собой разнообразные философские следствия, требовавшие дальнейшего обсуждения, и составили, таким образом, основной корпус работ по современной философии языка. Между тем, как мы постарались показать, все эти проблемы были связаны с семантическим анализом именных групп

в разных контекстах употребления. Именные группы либо непосредственно обозначают индивидные объекты, либо предполагают наличие о них некоторых утверждений. Между тем индивидные объекты не единственный вид сущностей, на которые могут указывать или о которых могут делать утверждения языковые выражения. К другому типу сущностей относится время, и именно о нем пойдет речь далее.

Условия истинности любого предложения содержат временной компонент: то, о чем сообщается в предложении, должно иметь место в прошлом, настоящем, будущем или их сочетании. Разные языки по-разному кодируют время, однако в большинстве случаев временной компонент является одним из элементов глагольной, а не именной группы. В русском языке языковой элемент, указывающий на время, даже не всегда является отдельным словом, и может быть представлен временной морфемой. Например, если будущее время в русском языке формируется с помощью постановки глагола настоящего времени в форму совершенного вида (несов. вид, настоящ. вр. — «делает», соверш. вид, будущ. вр. — «сделает») или посредством использования вспомогательного глагола «будет» (наст. вр. — «делает», будущ. вр. — «будет делать»). Однако индикатором прошедшего времени в русском языке является не слово, а глагольный суффикс «л» (наст. вр. — «спит», прош. вр. — «спал»). Без сомнения грамматическое время оказывает влияние на условия истинности предложения (предложения (10) «Я курил» может быть истинным при ложности предложения (11) «Я курю»). Поэтому систематическое объяснение того, как это влияние осуществляется, также является одной из задач логической семантики.

5. Семантика времени: референциальный и кванторный подходы. Изначально семантика времени разрабатывалась новозеландским логиком и философом А. Прайором [10] (см. прим. 3), к работам которого восходит идея, согласно которой темпоральное измерение привносится в интерпретацию предложения посредством скрытого оператора, аналогичного квантору существования: предложение (10) «Я курил», произносимое в определенный момент t_0 интерпретируется примерно как утверждение (11) « Суще-

ствует момент t , который предшествует t_0 и в который я курю». Таким образом сообщается, что в прошлом имела место ситуация, когда я курил.

Однако довольно скоро после появления работ Прайора было замечено, что прошедшее время не всегда работает подобным образом. Так, американский философ и лингвист Б. Парти [9] показала, что такое обыденное отрицательное утверждение как (12) «Я не выключила утюг» не может быть удовлетворительно объяснено в рамках концепции Прайора. Если Прайор прав и время действительно похоже на экзистенциальный квантор, то тогда в духе Рассела, приписывавшего отрицательному утверждению (3) две логические формы (см. обсуждение выше), предложение (12) «Я не выключила утюг», произнесенное в момент t_0 , может иметь две логические формы: (13) «Неверно, что существует момент t , который предшествует t_0 и в который я выключаю утюг» и (14) «Существует момент t , который предшествует t_0 и в который я не выключаю утюг». При первой интерпретации предложение (12) оказывается тривиально ложным, ибо я, как и любой другой человек, когда-то хоть раз утюг выключал, а поэтому такой момент в прошлом должен быть. При второй интерпретации это предложение оказывается тривиально истинным, ибо поскольку я не всегда занимался тем, что выключал утюги, и, следовательно, существует момент в прошлом, когда я не выключал никакой утюг.

Поскольку предложение (12) не выглядит ни как тривиально истинное, ни как тривиально ложное, кванторный анализ временного компонента его смысла оказывается неудовлетворительным. Предложение (12) скорее сообщает, что в какой-то конкретный момент в прошлом говорящий не выключил утюг. О каком конкретно моменте прошлого идет речь; зависит от контекста. Если временной компонент привносится морфемой прошедшего времени, то получается, что семантика такой морфемы напоминает семантику личного местоимения «он», интерпретация которого, как мы сказали выше, также зависит от контекста. Более того, подобно местоимениям временные морфемы также могут иметь и связанное прочтение. В предложении (15) «Всякий раз, когда я выходил из дома, погода начинала портиться» про-

шедшее время на глаголе «начинала» не подразумевает какой-то конкретный момент в прошлом, а оказывается зависимым от предшествующего (кванторного) выражения «всякий раз, когда я выходил из дома».

Между тем, существуют аргументы и о том, что прошедшее время не всегда ведет себя подобно местоимению. Так, в предложении (16) «Это здание построили римляне» речь не обязательно идет о какой-то конкретной точке прошлого, в которой римляне построили это здание. Здесь скорее подход Прайора будет более корректным, ибо предложение (16) чаще всего понимается как утверждение о том, что в прошлом был какой-то момент, когда это здание было построено римлянами. Таким образом, мы видим, что в сфере семантики морфем времени кванторный и референциальный анализ конкурирует точно так же, как они конкурируют и в области именных групп.

6. Время в сообщениях о психических установках. Проблемы в контекстах сообщений о психических установках, сходные тем, что мы видели в случае именных групп, возникают и в случае морфем времени. Так, предложение (17) «Секретарь сказал, что Петров у себя в кабинете» описывает ситуацию, в которой в какой-то прошлый момент времени t секретарь сказал, что-то в духе «Петров у себя в кабинете». При этом само предложение (17) может выражать мысль, согласно которой Петров (по мнению секретаря) не только был у себя в кабинете в момент t , но и остается там в момент произнесения (17) говорящим, т.е. в t_o . Иными словами, предложение (17) может быть перефразировано так: по информации, полученной от секретаря в момент t , Петров сейчас (т.е. в t_o) находится у себя в кабинете. При этом важно, что когда секретарь делал своё высказывание в момент t , он не пытался утверждать, что Петров будет в своем кабинете в момент t_o , который для него тогда еще был в будущем. Секретарь говорил только о моменте t , который был для него текущим моментом. Но говорящий (т.е. тот, кто произносит (17)) тем не менее может использовать это предложение в описанном выше смысле, говоря о пребывании Петрова в кабинете в t_o .

Здесь, как мы можем видеть, опять имеет место случай, когда перспектива говорящего может вторгаться в сообщение о психи-

ческой установки того или иного субъекта, даже если она отлична от содержания психической установки самого субъекта (в нашем случае секретаря). Временная интерпретация сообщений о психических установках, таким образом, также оказывается полем для конфликта точек зрения, но только уже не на индивида (как это было выше в Куайновском примере про Ральфа и Орткута), а на момент времени (подр. см., напр., [8]).

7. Заключение. Мы можем видеть, что проблемы семантики грамматического времени обладают теми же ключевыми характеристиками, что и проблемы семантики именных групп, восходящие к работам классиков аналитической философии. Более того, их обсуждение не только затрагивает те же фундаментальные вопросы логики, онтологии и эпистемологии, которые обсуждались в сфере в аналитической философии второй половины XX в., но и открывают новые горизонты для философских исследований. Темпоральный компонент в интерпретации предложений предполагает некоторую «направленность» или «ориентированность» на настоящее, прошлое или будущее (в зависимости от предложения). Оказывается, что эта направленность свойственная морфемам времени, но не свойственная именованным группам, сопровождается дополнительными логико-семантическими ограничениями, выявляющими ранее не замечавшиеся измерения, по которым происходит взаимодействие сознания, языка и мира. Некоторые из этих измерений я рассчитываю осветить в будущих публикациях. Здесь же в мою задачу входило лишь установление базовых параллелей между тем, как мы говорим об объектах мира и об отрезках времени, а также демонстрация аналитического потенциала методологии современной философии языка. Надеюсь, что эту задачу мне удалось выполнить хотя бы отчасти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. 1. – М.: Территория будущего, 1994. – 612 с.
2. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 69–90.
3. *Куайн У.В.О.* Кванторы и пропозициональные установки // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXIII. – № 3. – С. 213–225.

4. Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование / Под ред. В.А. Суровцева. – Томск: 2002. – С. 7-22.
5. Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – С. 55-56.
6. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 90-129.
7. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сборник трудов. – М., 2000. – С. 230-247.
8. Abusch D. Sequence of tense revisited: Two semantic accounts of tense in intensional contexts, in H. Kamp (ed.) Ellipsis, tense and questions, 87-139. DYANA deliverable R2.2.B, University of Amsterdam, 1994.
9. Partee B. Some structural analogies between tenses and pronouns // The Journal of Philosophy. – 1973: 70. – Pp. 601-609.
10. Prior A. Time and modality. – Oxford, 1957.

Примечания

1. Предложение (3) «Современный король Франции не лыс» Рассел рассматривает как двусмысленное и способное выражать одну из следующих двух логических форм: «Неверно, что существует индивид x , являющийся современным королем Франции и являющийся лысым» и «Существует индивид x , являющийся современным королем Франции и не являющийся лысым». Различие, как можно заметить, лишь в том, что Рассел называл «вхождением» отрицания: в одном случае оно является «первичным», во другом – «вторичным». Здесь важно лишь то, что как бы мы ни интерпретировали предложение (3), т.е. какую бы логическую форму ему ни приписали, установление его истинностного значения не будет вызывать затруднений: в первом случае оно истинно, во втором – ложно.
2. Такие утверждения также называются «сообщениями о верованиях» или «сообщениями о пропозициональных установках».
3. Хотя важный вклад семантические исследования грамматического времени был внесен и более ранними исследователями, в частности, немецким философом науки Х. Райхенбахом.

Petr S. Kusliy

LANGUAGE AND TIME: THE SEMANTICS OF TENSE IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: kusliy@iph.ras.ru.

Annotation: This article introduces the reader to the problems of contemporary formal philosophy of language by examining one of the central directions of this type of philosophy - semantic analysis of the category of referential terms and quantifier expressions. An exposition of the basic theoretical principles of the modern analytical philosophy of the language with

respect to the interpretation of these types of terms is presented in a form accessible to a wide range of readers. It is shown that the main spectrum of analytical techniques applied to the analysis of noun phrases, turns out to be applicable to the type of language expressions that are fundamentally different from nouns – to temporary morphemes. The perspective on the semantics of tense proposed in the contemporary analytical philosophy of language is explored and discussed. It is shown that the conceptualization of time and individual objects in a language is carried out in a similar way.

Keywords: *philosophy of language, semantics, tense, pronouns, intensional contexts.*

REFERENCES

1. *Vitgshstejn L.* Logiko-filosofskij traktat // *Filosofskie raboty*. Ch. 1. – M.: Territoriya budushchego, 1994. – 612 s.
2. *Karnap R.* Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka // *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie*. Antologiya / Obshch. red. i sost. A.F. Gryaznova. – M.: Dom intellektual'noj knigi, Progress-Tradiciya, 1998. – S. 69–90.
3. *Kuajn U.V.O.* Kvantory i propozicional'nye ustanovki // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. – 2012. – T. XXXIII. – № 3. – S. 213–225.
4. *Rassel B.* Ob oboznachenii // *Yazyk, istina, sushchestvovanie / pod red. V.A. Surovceva*. – Tomsk, 2002. – S. 7–22.
5. *Stroson P.F.* O referencii // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XIII. Logika i lingvistika (Problemy referencii). – M., 1982. – S. 55–56.
6. *Tarskij A.* Semanticheskaya koncepciya istiny i osnovaniya semantiki // *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie*. – M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. – S. 90–129.
7. *Frege G.* O smysle i znachenii // *Logika i logicheskaya semantika: Sbornik trudov*. – M., 2000. – S. 230–247.
8. *Abusch D.* Sequence of tense revisited: Two semantic accounts of tense in intensional contexts, in H. Kamp (ed.) *Ellipsis, tense and questions*, 87–139. DYANA deliverable R2.2.B, University of Amsterdam, 1994.
9. *Partee B.* Some structural analogies between tenses and pronouns // *The Journal of Philosophy*. – 1973: 70. – Pp. 601–609.
10. *Prior A.* Time and modality. – Oxford, 1957.

Статья поступила в редакцию – 27.12.2019 г.